

ними... Я заснул на скамейке Новинского бульвара. Но вскоре проснулся... Я почувствовал на своем плече чью-то руку. Передо мной стоял один из постоянных посетителей нашего театра, он будил меня стихами Иппокентия Анпенского. Мы решили искать новый ночлег и нашли его на заплыванном полу деревянного барака старого Брянского вокзала. Только утром пробрался я в Замоскворечье. Семь Октябрьских дней — тема уже для других воспоминаний. Тут на память приходят имена не актеров, а участников боев на Остоженке и у Каменного моста.

В театр я пришел, когда на улицах были уже расклеены объявления Совета рабочих депутатов. Театр принялся за новую работу, которую уже не в состоянии были прервать старые хозяева положения. Они перестали быть хозяевами.

Вслед за „Саломеей“ театр поставил „Короля-арлекина“ Лотара и „Обмен“ Клоделя. Полуголодные актеры репетировали, строили и красили декорации (в труппе работали тогда актерами художники Б. Эрдман и Б. Фердинандов). Мы топили железную печурку, единственную на весь театр, мечтая повисить температуру хотя бы до шести градусов тепла. Экстеровские ткани, накинутые на обнаженные тела, не спасали от холода актеров, играющих одноактную „Саломею“ в течение часа пятидесяти минут.

Публика обыкновенно сидела в шубах.

Однажды на спектакль пришел А. В. Луначарский. Ему сильно нездоровилось. Как только раздвинули занавес, Анатолий Васильевич снял шубу. Таиров уговаривал его одеться.

— Да что вы, — ответил А. В., — разве могу я сидеть в шубе, — посмотрите на сцену, — во что одеты актеры.

По очереди „общники“ были кассирами и контролерами.

Новый зритель не знал театра, и актер-кассир, продавая билеты, был одновременно и пропагандистом своих спектаклей.

— Советую вам приобрести билет и на „Обмен“. В этом спектакле вы увидите замечательную работу художника Якулова. Это один из интереснейших мастеров современной живописи. В спектакле заняты наши лучшие актеры и т. д. и т. д. Тут же рассказывалось и краткое либретто пьесы.

Но более действенной пропагандой оказались частые выезды в рабочие районы. В одном из таких районных спектаклей я впервые видел Таирова в качестве актера. Он играл в „Покрывале Пьеретты“ Арлекина, заменяя Карабазова, застрявшего в сугробах по пути к Преображенской заставе. Наверное так же, как перед этим спектаклем, Таиров волновался, играя когда-то Сардапала. Об этой роли он всегда любил вспоминать.

Первая годовщина Октября.

Огромные яркие полотна украсили улицы Москвы.

Бурлюк вывесил свои картины на стене второго этажа одного из домов на Кузнецком Мосту. Повсюду громыхал голос Маяковского. Под аркой в Третьяковском проезде воздвигли помост. Там играли „Царя Эдипа“.

В клубе „Красный петух“ (бывший „Питгореск“), среди вычурных жестяных объемов Якулова, шел спектакль Камерного театра „Зеленый попугай“. Закулисных помещений не было, и актеры гримировались у зеркал общих уборных для публики, примыкающих к подмосткам. Но думал ли кто-нибудь из нас в те минуты о неудобствах?! Спектакли в „Красном петухе“ в первую годовщину Октября — самый волнующий эпизод в истории Камерного театра. С ним могут сравниться лишь ночные репетиции и торжественная премьера 1920 года — „Принцесса Брамбилла“.

Давно уже Камерный театр вернулся на Тверской бульвар. Он успел дважды перестроить свое здание. Сегодня театру — 20 лет. Он стал театром с мировой славой. Вместе с победами у него были срывы и тяжелые поражения. Но он с честью воевал за свои творческие установки, преодолевая все трудности на своем пути. Сила театра в его коллективе, в его внутренней спаянности. Любовь к своему театру — вот что стимулировало работу в самые трудные минуты его жизни. Это чувство любви было вызвано в нас упорством и энтузиазмом А. Я. Таирова. Вот почему с таким уважением вспоминают его и те, которые по тем или иным причинам ушли из театра. И вряд ли кто-нибудь из них жалеет, что Камерному театру были отданы юношеские годы и юношеский пыл творческих желаний.

Александр Оленин